

На правах рукописи

Сторчеус Надежда Вячеславовна

**РУССКОЕ НЕОКАНТИАНСТВО БАДЕНСКОЙ ШКОЛЫ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность 09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата философских наук

Москва – 2016

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» на кафедре истории русской философии философского факультета

Научный руководитель

Мелих Юлия Биляловна,
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты

Белов Владимир Николаевич,
доктор философских наук, профессор,
Сочинский институт (филиал) ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов»
(заместитель директора по международным
связям Сочинского института РУДН)

Подоль, Рудольф Янович,
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина»
(заведующий кафедрой философии)

Ведущая организация

**Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный
гуманитарный университет»**

Защита диссертации состоится «13» июня 2016 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 501.01.38 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д.27, к.4 («Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518.

С диссертацией можно ознакомиться:

- в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова» по адресу: Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, сектор «А», 8-й этаж, комн. 812 (отдел диссертаций Фундаментальной библиотеки);
- на официальном сайте диссертационных советов МГУ имени М.В.Ломоносова по адресу: <http://istina.msu.ru/dissertations/19266525/>.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2016 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских
наук, доцент

Коровин Владислав Фёдорович

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Целостность истории как мирового процесса в соотношении с национальными особенностями тех или иных форм философского знания – вопрос перманентной актуальности, например, в контексте выделения специфических русских оснований философской мысли, сохранение её аутентичности в поле мировой философии. Помимо этого, и собственно историко–философский интерес является причиной пристального изучения русского философского наследия.

С 90-х годов прошлого века, когда появилась возможность у российского читателя познакомиться с творческим наследием Русского Зарубежья, сделано немало для его всестороннего, комплексного исследования. Но полномасштабная картина русского философствования ещё продолжает создаваться, для чего необходим постоянный анализ и оценка русской философской мысли.

На рубеже XX - XXI вв. историко-философские исследования были направлены на выявление самобытности русской философии и связаны с «непосредственным включением идей русской философии в современную философскую культуру»¹. Поэтому весьма актуальной остаётся область историко-философских исследований, в которую входит малоизученное наследие русского неокантианства в аспекте рецепции отечественной мыслью мировой философии. Кроме того, до сих пор не удается достаточно полно обозначить ту нишу, которую занимает русское неокантианство. Марбургская и Баденская школы неокантианства – названия весьма условные, да и «название этих школ кантианством, пусть и новым, мотивировано *только* (выделено мной – СНВ) тем обстоятельством, что обе они в своих построениях, во-первых, отправляются от Канта, а во-вторых, находятся в зависимости от той интерпретации Канта, того понимания его

¹ История русской философии: учебник/ под. ред. М.А. Маслина. – изд. 2-е. - М.: КДУ, 2008. – 638 с. – С 614.

системы, что бытовало в Европе к 70-80-м годам XIX столетия»² и даже «неокантианство – это по философской сути некантианство»³ Понимание этой ситуации необходимо для более точного позиционирования русского Бадена в современном ему философском поле.

Остаются актуальными проблемы национальной специфики философии, особенностей развития русской философии, статуса философского знания, волновавшие С.И. Гессена, Ф.А. Степуна, Б.В. Яковенко, а их мысли об исторической судьбе России как никогда резонансны, поскольку осмысление отечественной истории в обязательном порядке предполагает реконструкцию каждого из историософских построений, обозначающего определённую перспективу, аспект исторического процесса и имеющего смысл лишь включённым в общую картину.

Сформулированное Гегелем положение о том, что «ни одна система философии не опровергнута. Опровергнут не принцип данной философии, а опровергнуто лишь предположение, что данный принцип есть окончательное абсолютное определение»⁴, придаёт особую коннотацию историко-философскому поиску, особенно в свете всегда актуального вопроса о смысле истории.

Степень разработанности темы

Большое число историко-философских исследований неокантианства, русского в том числе, появившихся с конца XX века в российской науке, позволяет обратившемуся к этой области философской мысли не начинать с

² Калинин Л. А. О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта//Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры/[под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2010 – 567 с. – (Humanitas). – С.56.

³ Там же. В цитируемой здесь статье приводятся две основные причины, объясняющие, с точки зрения автора, это утверждение:

-интерпретаторы Канта не обращали внимание на систематический и системный характер его теоретических построений;

-их уверенность в том, что единственно правильной может быть только монистическая философская система;

⁴ Гегель Г. В.Ф., Лекции по истории философии. Книга 1. СПб.: «Наука», 2001, 350 с. – с. 98.

нуля. Действительно, основатели Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт – мыслители широко известные благодаря сформулированной ими проблеме ценностей, культуры, проблеме мировоззрения, их методологическим находкам. Выступая против современной им тенденции, которую условно можно выразить как «один предмет – один метод», В.Виндельбанд и Г.Риккерт полагают возможным методологический дуализм, когда одни и те же исторические явления интерпретируются как в рамках «наук о природе» (элемент системы, абстрактного ряда), так и «наук о культуре» (как уникальные воплощения человеческого опыта). Эти мыслители подчеркивают противоположность между науками, которые стремятся к обобщениям воспроизводимых и предсказуемых явлений, и теми, которые — как история, занимаются дескриптивным изучением индивидуального. Науки, занятые поисками законов, Виндельбанд предложил называть "номотетическими", а те, что ставят целью понять индивидуальные и неповторимые особенности объектов изучения - "идеографическими". Таким образом, основатели Баденской школы проводят раздел внутри самой науки, исходя из методологических ориентаций исследователя. Им посвящен целый ряд работ в немецкоязычной философской литературе⁵. Также имеется небольшое исследование Александра Бобока на румынском языке, мало упоминаемое в русскоязычной литературе, посвященной неокантианской теме, где на нескольких страницах автор уделяет внимание собственно Баденской школе и пишет о философии истории неокантианства⁶. Предпринятая в последние два десятка лет работа по переизданию работ В. Виндельбанда и Риккерта, а также публикации трудов русских неокантианцев С.И. Гессена, Ф.А. Степуна, Б.В. Яковенко –

⁵ Например, Schnädelbach H. *Philosophy in Germany 1831–1933*. Cambridge, 1984. Stolzenberg J. *Fichte im Neukantianismus. Probleme der Fichte-Rezeption bei Wilhelm Windelband, Heinrich Rickert, Herman Cohen und Paul Natorp*// *Neukantianismus und Rechtsphilosophie. Mit einer Einleitung von Stanley L. Paulson*. Hrsg. R. Alexy, L. H. Meyer, S.L. Paulson, G. Sprenger. *Interdisziplinäre Studien zu Recht und Staat*. Bd. 25. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2002. Очень подробный список – в исследованиях Н.А. Дмитриевой и Т.Ю. Панковой.

⁶ О баденцах автор пишет на стр. 159-181, со стр. 279 до 346 – о философии истории неокантианства.

создателей русскоязычной версии журнала «Логос» значительно оживила историко-философский интерес.

Поскольку на формирование взглядов основателей Баденской школы неокантианства и их русских учеников существенное влияние оказала философия Фихте, нельзя не упомянуть о том, что его творчеству в историософском аспекте в последнее время было посвящено не так много работ. Однако тема рецепции взглядов Фихте в русской философии весьма интересна, мало исследована и представляет собой особую линию русского Бадена. Компаративный анализ философии истории Канта и Фихте провел в своем диссертационном исследовании Лицук А.А.⁷; исследование историко-философских взглядов Фихте П. П. Гайденко⁸ представляет собой глубокий и подробный анализ.

Историки русской философии Зеньковский В.В. и Лосский Н.О. отводят не так много места С.И.Гессену, Ф.А.Степуну и Б.В.Яковенко в своих исследованиях, отдавая должное, однако, их философскому таланту. Как правило, это одна-две страницы, причём больше внимания уделяется С. И. Гессену, как автору собственной системы в области философии права и прикладной философии (педагогике).

Первыми современными отечественными исследователями специфики и проблематики русского неокантианства стали В.Ф. Асмус, Т.Б. Длугач, В.Я. Беленчиков, В.А. Куренной, А.В. Лавров, А.И. Абрамов, А.А. Ермичев⁹.

М.В. Безродный, А.А. Ермичев, В.К. Кантор, В.В. Сапов¹⁰ проявили исследовательский интерес к особо значимым событиям в истории русского неокантианства. Работы А.И. Абрамова, Т.А. Акиндиновой, М.В. Безродного, Н.А. Дмитриевой, В.Н. Белова, Н.О. Бредихиной, В.А. Куренного, А.Н.

⁷ Лицук А.А. Философия истории Иммануила Канта и Иоганна Готлиба Фихте. Нижневартовск, 2000.

⁸ Гайденко П.П. Философия Фихте и современность. М.: Мысль, 1979.—288 с.

⁹ См.: Асмус В.Ф. Неокантианство // Буржуазная философия кануна и начала империализма. М., 1977. С. 59-124.; Длугач Т.Б. Понятие «вещи в себе» и его переосмысление в философии марбургской школы неокантианства // «Критика чистого разума» Канта и современность. Рига: «Зинатне», 1984. С. 245-250.

¹⁰ См.: Сапов В.В. Рыцарь философии. Штрихи к портрету Б.В. Яковенко // Вестник российской академии наук. 1994. Т.64. № 8. С. 753-760.

Малинкина, В.Л. Махлина, Н.В. Мотрошиловой, С.А. Ненашевой, С.Н. Погодина, С.А. Чернова¹¹ касаются широкого спектра проблем немецкого и русского неокантианства. Историко-философский анализ феномена русского неокантианства осуществлен А.И. Абрамовым. К фундаментальному исследованию по русскому неокантианству следует отнести работы Н.А. Дмитриевой¹² и В.Н. Белова¹³. Иррациональный аспект неокантианской проблематики исследуется в монографии Мелих Ю.Б. «Иррациональное расширение философии И. Канта в России»¹⁴

Не так много работ посвящено собственно историософской тематике. Интерес представляют исследования Повилайтиса В.И. «Что есть история? Версии русского зарубежья»¹⁵. Также необходимо назвать книгу «Русская историософия. Антология», где во вступительной статье Л.И.Новикова, И.Н. Сиземская (Очерк русской философии истории) о важности изучения этого вопроса говорят следующее:

«...философия истории есть не только «зеркало заднего вида», но и целеполагающая проекция будущего. Вот почему необходима реконструкция парадигмы русской философии истории... Современное реформаторское

¹¹ См.: Безродный М.В. Из истории русского германофильства: издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. Под ред. М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. С. 157-198.; Белов В.Н. Философия Германа Когена и русское неокантианство // Историко-философский ежегодник' 2003. М.: «Наука», 2004. С. 349; Белов В.Н. Проблема рационального и иррационального в русском неокантианстве // Духовный континент русской философии. Саратов, 2009. С. 159-180; Бредихина О.Н. Ранний период в творчестве С.Л. Рубинштейна // Историко-философский ежегодник. М.: «Наука». 1994. С. 228-230; Ермичев А.А. Приезд Германа Когена в Россию // Ермичев А.А. О философии в России. Исследования, полемика, заметки. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. С. 108-115; Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). М.: РОССПЭН, 2001. - 704 с.; Куренной В.А. Философский проект «Логоса»: немецкий и русский контекст // «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник. Сб. Материалов под ред. Н.С. Плотникова. М.: «Территория будущего», 2006. С. 13-72; Малинкин А.Н. Николай Гартман: «забытый философ» // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 648-653; Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов). М.: Республика; Культурная революция, 2006. — 477 с.; Ненашева С.А. Трансцендентальный плюрализм Б.В. Яковенко в контексте русского неокантианства начала XX века. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. СПб., 1998; Zink, Andrea. Andrej Belyjs Rezeption der Philosophie Kants, Nietzsches und der Neukantianer. München: Otto Sagner, 1998. - 388 S.

¹² См.: Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 512 с. (Серия «Humanitas»).

¹³ См.: Белов В.Н. Неокантианство. Часть I. Возникновение неокантианства. Марбургская школа. Герман Коген. Саратов: Научная книга, 2000. 172 с.

¹⁴ Мелих Ю.Б. Иррациональное расширение философии И. Канта в России. Алетейя, 2014. 343 с.

¹⁵ Повилайтис В.И. Что есть история? Версии русского зарубежья., Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009 - 184 с.

движение со всеми своими перепадами интенсивности и метаниями «слева направо» бессознательно движется среди ориентиров, высвеченных русской философией истории, часто заново открывая хорошо забытые истины или впадая в соблазн возврата изжитых утопий. Ее сознательная реконструкция позволит придать данному процессу более осмысленный характер. В этом мы видим основание и ценность обращения к отечественной историософии и ее нового прочтения»¹⁶.

Основным направлениям в философско-историческом изучении судьбы России в рамках русской зарубежной философии первой половины XX века и их влиянию на сознание современного общества посвящено исследование Волкогоновой О.Д. «Философия русской истории в наследии послеоктябрьской эмиграции 20-50 гг. XX в»¹⁷. Желтикова И.В. обращается к теме историософии в работе «Специфика историософии в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв)»¹⁸

Отдельно каждому из интересующих нас персоналий, посвящены диссертационные работы Пашкиной Е. Г., Панкова Т. Ю., Очироконовой Н.В., Квон Ки Бэ, Кантемировой Е. Н., Елькина А. В., Бобровой И. А., Гуляева П. С., Гергилова Р.Е., Загирняк М. Ю¹⁹.

Еще при жизни Ф.А. Степуна вышло несколько статей, ему посвященных. К таким относится, например, статья М. Вишняка,

¹⁶ Л.И.Новикова, И.Н. Сиземская. Очерк русской философии истории (Вступительная статья) /Русская историософия. Антология. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 448 с. (серия «Humanitas») С 10.

¹⁷ Волкогонова О. Д. Философия русской истории в наследии послеоктябрьской эмиграции 20-50 гг. XX в¹⁷. М.: 1998.

¹⁸ Желтикова И.В. Специфика историософии в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв). Орел, 1998.

¹⁹ Пашкина Е. Г. Журнал «Новый град» в идейно-политической жизни русской эмиграции. М., 2008. Панкова Т. Ю. историко-философское наследие Б.В. Яковенко в русской философской традиции Москва, 2012. Очироконова Н.В. Проблема человека в философии С.И. Гессена. Москва, 2005. Гуляев П. С. Социально-философские воззрения Ф.А. Степуна: историко-философский анализ. 2013. Елькин А. В. Философия культуры Ф. А. Степуна и Г. П. Федотова. Новоградство. М., 2005. Кантемирова Е. Н. Проект «духоверческой» культуры и христианской общественности в философии Ф. А. Степуна. Хабаровск, 2003. Боброва И. А. Война как социальный феномен в русской религиозной философии начала XX века. Чита, 2007. Квон Ки Бэ. Романы Ф. А. Степуна: Философия. Поэтика. М.: РГБ, 2003. Гергилов Р.Е. Социология Фёдора Степуна. Спб., 1998., Загирняк М. Ю. Философско-правовые идеи С.И. Гессена: историко-философский контекст. 2012

руководившего журналом «Современные записки» в Париже (Степун был для него в первую очередь заведующим литературным отделом журнала) «Религиозный смысл» революции по Ф.А. Степуну».

Ценностная составляющая творчества Ф.А. Степуна отражена в статье Д. О. Линевской «Ценностный мир России: аксиология Ф. А. Степуна»²⁰ В контексте философии россиеведения русской эмиграции рассматривает новгородский период творчества Ф.А. Степуна (1931-1939 гг) А.В. Прохоренко²¹.

Владимир Карлович Кантор проделал огромную работу, благодаря которой «хранителю высших смыслов европейской культуры», Федору Степуну возвращено заслуженное им признание на родине²².

Из немецкоязычных работ хотелось бы отметить книгу Кристиана Хюфена о Фёдоре Степуне²³, статью Трайбера Хьюберта²⁴, работу Удольфа Лютгера²⁵

Хранитель архива Б. В. Яковенко в Праге А. М. Шитов предлагает для публикации некоторые неизвестные исследователям документы, например, внутреннюю рецензию И. И. Лапшина на первый вариант рукописи книги Бориса Валентиновича Яковенко «История русской философии» и ответ на

²⁰ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Образ России: национальное самосознание и современность», проект № 07-03-02035 а.

²¹ Прохоренко, Александр Владимирович Философское россиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции (первая половина XX в.) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 СПб., 2006 368 с. РГБ ОД, 71:07-9/38

²² «„...Есть европейская держава“. Россия: трудный путь к цивилизации: Историсофские очерки». Москва: РОССПЭН, 1997. Русский европеец как явление культуры: Философско-исторический анализ. Москва: РОССПЭН, 2001. Федор Степун. Письма. Составление, археографическая работа, комментарии, вступительные статьи к тому и всем разделам В.К. Кантора. (Серия «Российские Пропилеи») — М.: РОССПЭН, 2013. — 683 с. Исследовательский проект "Неуслышанные предупреждения. Русские мыслители в Германии: Бакунин, Достоевский, Степун" в рамках европейской стипендии Эразмуса - в Дрезденском техническом университете (Германия) с 01.04.2011 по 30.09.2011 г. 2006, Фонд Марион Дёнхофф (Германия), работа в архивах Гейдельбергского университета (Степун и Чижевский) и др.

²³ Hufen C. Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Janre 1884-1945. Berlin: Licas Verlag, 2001.

²⁴ Treiber H. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903 – 1955). Über Freundschafts und Spätbürgertreffen in einer deutschen Kleinstadt// Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der “geistigen Geselligkeit” eines “Weltdorfes”: 1850-1950. Hrsg. Von H. Treiber und K. Sauerland. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1995

²⁵ Udolph L. Die russische Litteratur in der Wertung Fedor Stepuns//Kultur als Dialog und Meinung. Beiträge zu Fedor A. Stepun (1884-1965) und Semen L. Frank (1887-1950). Hrsg. V. H. Kuße. Spesimina Philologiae Slavicae. Band 153. München: Sagner, 2008.

нее автора. Также Шитов работает над реконструкцией творческой биографии Б.В. Яковенко.

Начало изучения творчества Б.В. Яковенко выпадает только на конец 80-х годов минувшего века и его собрание сочинений в 1 томе появилась не так давно – в 2000-м году. Во вступительной статье «О неокантианце Б. В. Яковенко и его месте в русской философии»²⁶ Ермичев А.А. даёт общий обзор биографии и творчества Б.В. Яковенко, позиционируя его как самого продуктивного и наиболее представительного выразителя философской интенции «Логоса». В 2012 году под редакцией Ермичева А.А. вышел сборник публикаций, посвященных Б.В. Яковенко.²⁷

Статья Белова В.Н в вышеупомянутом сборнике «Б. В. Яковенко и неокантианство» выделяет основные линии в его творчестве:

- создание отечественной философской традиции;
- заполнение пробела в отечественной философии, подразумевающего представление современной западной мысли.

Белов В.Н. подчеркивает, что здесь необходимы масштаб мысли, взгляда, знание языков, которыми могли похвастать немногие. Яковенко Б.В. выполнял эту задачу, оставив на периферии работу над своей системой трансцендентального плюрализма.

Статьи Мелих Ю.Б. и Т. дель Эра посвящены историософским и общественно-политическим взглядам Б.В. Яковенко²⁸.

²⁶ Яковенко Б.В. Мошь философии. - СПб.: Наука, 2000. – (Сер. «Слово о сущем»). - 976 с.

²⁷ Здесь опубликованы статьи Магид С. «Философ Яковенко. Подготовительные материалы», где говорится о трудностях изучения наследия Яковенко, приведены некоторые цитаты из воспоминаний современников; статья Ермичева А.А. «Жизнь и философия Бориса Валентиновича Яковенко», где речь идет о «Логосе» и о том, что в биографии Яковенко еще много белых пятен; итальянская исследовательница К. Ренна в статье, посвященной ему²⁷, предлагает свою периодизацию творчества Бориса Яковенко. Кроме того, в этом издании опубликованы статьи Ермишина О.Т. «Б.В. Яковенко и философия русской эмиграции», А. М. Шитова «Почему не появился второй номер пражского «Логоса»? (По материалам архива Б.В. Яковенко), Н.С.Плотникова «Европейская трибуна русской философии: «Der russische Gedanke» (1929-1938)», Л.Г. Степанова «Б.В. Яковенко как переводчик: к истории первого русского издания «Эстетики» Кроче» (автор очень скрупулезно отнёсся к теме: в тексте статьи много существенных поправок и уточнений, связанных с переводческой деятельностью Яковенко).

²⁸ Мелих Ю.Б. «Плюралистический большевизм Яковенко: между научностью и убежденностью (Из истории социально-политических идей в России)», Т. дель Эра «Политические произведения Яковенко: итальянский период» // Борис Валентинович Яковенко/под ред. А.А. Ермичева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 551 с. (Философия России первой половины XX в.)

Ненашева С. А.²⁹ рассматривает концепцию трансцендентального плюрализма Яковенко, справедливо замечая, что первоначальный интерес к Гессену, Степуну и Яковенко вызван их редакторской деятельностью в «Логосе» и связан с их «полемикой с представителями русского иррационализма, которая развернулась в философской литературе того периода и продолжалась вплоть до революции». Также справедливо замечание о том, что «Творчество русских неокантианцев привлекает исследователей своей непосредственной близостью и взаимосвязанностью с одним из основных направлений философской мысли XX века – феноменологией».

Объект исследования – философское наследие русских мыслителей начала XX века.

Предмет исследования - влияние культурологических и историософских идей Баденской школы на формирование философских взглядов отечественных мыслителей, в первую очередь Ф.А. Степуна, С.И. Гессена, Б.В. Яковенко, первой четверти XX века и их эволюция.

Цели и задачи исследования

Целью исследования является реконструкция и системный анализ историософских идей русских неокантианцев, из которых наиболее яркими фигурами являются Ф.А. Степун, С.И. Гессен, Б.В. Яковенко. Выявление влияния, которое оказали идеи Баденской школы на творчество как русских последователей этого направления, так и других отечественных мыслителей.

Достижение данной цели потребовало решения следующих исследовательских задач:

а. рассмотреть основные идеи Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта, основателей Баденской школы;

²⁹Ненашева, С. А. Трансцендентальный плюрализм Б. В. Яковенко в контексте философии русского неокантианства начала XX-го века. Санкт-Петербург, 1998.

- b. продемонстрировать влияние идей «классического Бадена» на философскую мысль России начала XX века;
- c. описание проблемного поля философской (неокантианской) мысли начала XX века, составлявшего реальную атмосферу творчества Ф.А. Степуна, Б.В. Яковенко и С.И. Гессена;
- d. дать целостное представление о философском и литературном творчестве наиболее ярких и последовательных русских представителей Баденской школы: С.И. Гессена, Ф.А. Степуна, Б.В. Яковенко, выявление общности их взглядов в плоскости одной из базовых антиномий западноевропейской мысли «мистицизм – рационализм»;
- e. осуществить реконструкцию и проследить развитие их историософских взглядов;

Теоретические и методологические основы исследования

Методология исследования предполагает комплексный историко-философский анализ имеющихся источников. Отсюда – необходимость осуществить определённый синтез на основе корпуса трудов Гессена С.И., Степуна Ф.А., Яковенко Б.В., работ их современников, а также исследований последних лет, посвящённых вышеназванным мыслителям. Кроме того, были использованы методы:

- индуктивный (от частных сюжетов – к общей картине)
- биографический метод – исследование жизненной и идейной траектории авторов, воплощающаяся в личных документах, где находит свое выражение личное отношение к переживаемой и/или пережитой общественной ситуации;
- компаративный: осуществляется через сопоставление трудов мыслителей как в рамках одной философской школы, так и с философскими школами, исторически близких исследуемой.
- логический метод и общие принципы историко-философской науки: прослеживание генезиса идей, их взаимообусловленности и взаимосвязи.

Научная новизна исследования

Научной новизной является следующее:

1. В работе проанализирована роль философии именно Баденской школы на формирование отечественного философского поля начала XX столетия.
2. Выявлены и систематически исследованы историософские взгляды Гессена С.И., Степуна Ф.А., Яковенко Б.В.
3. Проанализированы концепты «культура», «ценности» как объект философской полемики в контексте влияния идей Баденской школы.
4. Творчество Ф.А. Степуна, С.И. Гессена, Б.В. Яковенко рассматривается в аспекте одной из базовых антиномий философской мысли «мистицизм – рационализм», (что делается впервые в отношении этих представителей Баденской школы неокантианства)
5. Показаны пути иррационального расширения кантовского наследия мистикой на примере творческого наследия "русских баденцев".

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Русское баденское неокантианство представляет собой самобытное образование, основывавшееся на классическом немецком Баденском неокантианстве, расширенное и дополненное особенностями национального философствования. Объединение под эгидой Бадена русских учеников Виндельбанда и Риккерта не исключает своеобразие их философских позиций, но позволяет использовать индивидуализирующий метод для теоретизации исторической реальности.
2. Термин «историософия» приобретает дополнительную коннотацию и понимается как целостный взгляд на историю в аспекте исторических судеб России, ее предназначении, характера её

взаимоотношений с Западом и Востоком, которому свойственен выход за рамки как собственно исторической науки, так и философии.

3. Стремясь очистить трансцендентальный метод от психологического и метафизического момента, русские баденцы не смогли реализовать эту установку в своих историко-философских воззрениях.

4. Как основатели Баденской школы, так и их русские ученики, занимались не только методологией истории, но и непосредственно интерпретацией исторического процесса.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории философии, а также при изучении истории русской и зарубежной философии и культуры. Материалы и выводы диссертации могут стать основой для дальнейших исследований по широкому кругу историко-философских и культурологических проблем.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные идеи были представлены в форме докладов на конференциях. Выводы диссертационного исследования отражены в статьях, в том числе опубликованных в журналах, включенных в перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

II. Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, анализируется состояние и степень ее научной разработанности, формулируются цель и основные задачи исследования, определяются теоретические и методологические принципы, характеризуется теоретическая и практическая значимость и новизна работы, указываются сведения о ее апробации.

В первой главе «Общая характеристика Баденской школы» анализируется послекантовское философствование конца XIX – начала XX века, характеризуются онтологические, гносеологические взгляды, а также понимание истории представителями Баденской школы.

Первый параграф «Особенности послекантовского философствования конца XIX – начала XX века» посвящен анализу предпосылок, способствующих возникновению, росту значения и распространению неокантианства, его огромного влияния на послекантовскую философскую мысль. Посредством сравнения с термином «кантианство», уточняются характерные черты именно неокантианского мышления. Также выявляются причины, побуждавшие мыслителей искать «выход за пределы» кантовской философии.

Во втором параграфе «Место и роль Баденской школы в неокантианском поле» представлена общая характеристика Баденской школы, как позиционирующей себя в монистическом, единственно верном для построения философской системы, ключе; сосредоточившейся на методологических проблемах исторического знания и философии культуры. Именно в баденском направлении формируется новая гносеологическая тенденция описания научной среды только как специфической теории в рамках мировоззрения ценностного освоения мира.

Третий параграф «Генрих Лотце как предшественник Баденского направления» посвящен анализу творчества Генриха Лотце в аспекте его влияния на формирование взглядов основателей Баденского направления Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта. Впервые введенное Лотце понятие «значить» (Gelten) положило начало развитию учения о ценностях баденцев. Он выделяет три мира: истины, действительности и ценности. Термин «значить» как действительный критерий абсолютных *ценностей истины, добра, красоты и святости* получил развитие у Виндельбанда и Риккерта. Лотце также затрагивает проблему выявления законов истории, ему близка мысль о том, что есть план истории – некое назначение, замысел

Бога, хотя вопрос о сущности истории оставляет открытым. Лотце обозначил одну из основных тенденций философской мысли второй половины XIX – начала XX века: интерес к ценностной проблематике и стал одним из основоположников современной аксиологии.

Четвертый параграф «Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт как основатели Баденского направления: философские идеи и новации» аккумулирует базовые положения, сформулированные основателями Баденской школы. Здесь приведем основные пункты. В творчестве Вильгельма Виндельбанда традиционно выделяют два основных направления:

- историко-философские исследования;
- разработка трансцендентальной философии ценностей.

К методологическим новациям Виндельбанда относится его классификация наук на «номотетические» и «идиографические». Она основывается на методе и специфике познавательных целей, поскольку специфика собственно изучаемых наукой объектов как критерий требовала бы отнесения истории, например, к естественным наукам. Виндельбанд занимает вопрос четкого определения предмета и метода философии как самостоятельной области знания.

Основоположник баденской ветви неокантианства обозначает круг проблем, которые в дальнейшем будут методологически и понятийно развиты и чётче очерчены Риккертом. Виндельбанд полагает, что решение мировоззренческих проблем – основная задача философии. Риккерт привлекает теорию ценностей, добавляя в процессе развития виндельбандовских взглядов к его рассуждениям ещё одно различие между естественными науками и историей:

- различие между оценочной и неоценочной мыслью;
- различие между обобщающей и индивидуализирующей мыслью;

Еще одним вопросом, занимавшим Риккерта, была борьба против интуитивизма и психологизма.

Можно сказать, что и Виндельбанд, и Риккерт «чистыми» неокантианцами не были: хотя философский критицизм, понимаемый как рассмотрение средств познания прежде построения философской системы, и был основой их философских взглядов, они представляют продукт рецепции не только кантовских идей - существенное влияние оказали также Фихте, Лотце и даже гуссерлианская феноменология.

Во второй главе «Русские баденцы в отечественном философском поле» дается характеристика «философского поля» России описываемого периода и анализируется творчество наиболее ярких представителей «русского Бадена», таких, как Ф.А. Степун, Б.В. Яковенко и С.И. Гессен. Также речь идет о более широком влиянии Баденского направления на русскую философскую мысль, его критической рецепции на рубеже XIX – XX столетий.

В первом параграфе «Проблемное поле полемики русских представителей Баденской школы – «логосовцев» с «путейцами» говорится о том, что философия Канта была стимулом как для западной, так и для русской философии, поскольку именно с критики её или попыток её развить и продолжить началось большее число философских течений описываемого периода. Спецификой отношения к философии Канта в России была ярко выраженная эмоциональность³⁰

Характеризуя философский процесс в России исследуемого периода в целом, надо сказать, что темы веры, мистики, религии в их отношении к науке и разуму являлись одними из наиболее интересных для обсуждения. Безусловно значима та роль в формировании поля русской философии, которую сыграло издательство «Мусагет», выдвинувшее проблему культуры и инициировавшее выпуск журнала «Логос»³¹; полемика между неозападниками («логосовцами» - С.И. Гессеном, Ф.А. Степуном и Б.В.

³⁰ Например, Флоровский говорил, что русское неокантианство – не более, чем теоретизирование. «символ веры».

³¹ Подробно об истории создания «Логоса» см. М.В. Безродный. Из истории русского неокантианства// Лица: Биографический альманах. I. М. – СПб.: Феникс: Atheneum, 1992. - 464 с.

Яковенко) и неославянофилами («путейцами», как называли деятелей московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, объединившихся вокруг издательства «Путь»: В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и др.), суть которой состояла в том, какую русскую философию надо считать «правильной» - религиозную или научную, также немало тому способствовала, хотя и не являлась единственным источником оживления философской мысли в России изучаемого периода³². Кроме вышеназванных, самых ярких представителей баденского русского неокантианства, рассматриваются взгляды Н.Н. Бубнова, который был одним из авторов сборника «О Мессии» (1909) и идейных вдохновителей «Логоса». Н.Н. Бубнов первый познакомил немецких читателей с русской философией, он перевёл и издал двухтомную антологию русской философии. Важную роль этой работы невозможно переоценить сегодня, после выхода в свет «Черных тетрадей» Мартина Хайдеггера, который о русской философии мог узнать именно из этого двухтомника.

Во втором параграфе «Русский Баден³³» - трагедия жизни и творчества» дается характеристика и формулируются специфические черты философствования С.И. Гессена, Ф.А. Степуна и Б.В. Яковенко.

«Основы педагогики» С.И. Гессена можно считать его программным произведением. Здесь Гессен формулирует свое решение некоторых философских вопросов, например, учение о личности. В этой книге он определяет свою философскую точку зрения как попытку синтеза разума и интуиции, монизма и плюрализма, рационализма и иррационализма. Гессен позиционирует её как близкую риккертовскому «принципу гетерологии», сущность которого состоит в том, что противоборство двух начал превращается в единство двух моментов, когда «одно» постигается через

³² По причине почти полной бесплодности «логосовцев» - так считает Марченко О.В. (По материалам III историко-философских чтений в Библиотеке-Фонде «Русское Зарубежье» Общества историков русской философии имени В.В. Зеньковского от 7 апреля 2005 г.)

³³ Авторская метафора, используемая для обозначения самобытного образования в философском поле России начала XX века, основывавшегося на классическом немецком Баденском неокантианстве, расширенного и дополненного особенностями национального философствования. Также используется синонимичный по значению термин «русское баденство».

обнаружение в нем «другого». Гессен называет это «вечным мотивом диалектики». Важным компонентом философского метода Гессена был структурализм, что можно представить следующим образом:

- 1) Идея целостности, направленная против атомизма; целостности конкретной, то есть соединяющей единство с плюрализмом и принципиально разнящейся от монизма, являющегося тоталитарным извращением единства;
- 2) Идея «иерархии слоёв», направленная против генетического редукционизма;
- 3) Идея автономии, противостоящая натурализму и психологизму.

Идеи царства Божия, личного бессмертия и спасения – часть философской антропологии Гессена.

Некоторую трудность представляет «классифицирование» Ф.А. Степуна, поскольку его взгляды формируются под влиянием не только «классического Бадена», но и символизма, славянофилов, мистицизма и религиозной философии Вл. Соловьева. Степун со временем отходит от неокантианства: было ли это вызвано тем, что к концу первой мировой неокантианство уступило место другим мировоззрениям или личные интересы и склонности, духовный кризис, пережитый им в 20-х годах, направили его мысль в область религиозно-мистического философствования, но сам Степун в автореферате пишет, что был «почти насильнически вовлечен в круг методологических вопросов неокантианства. В последовавшие годы к влиянию Канта присоединилось сильное влияние феноменологии Гуссерля». И далее: «...я расчищал себе подступы к тому типу философствования, который...ныне именуется экзистенциализмом»³⁴

Философские взгляды Б. В. Яковенко складывались под влиянием Виндельбанда, Риккерта, Гуссерля и Когена. Что касается классиков философской мысли, то наиболее авторитетными для Яковенко были Плотин, Юм, Кант, Фихте, Гегель. По поводу своих философских идей сам

³⁴ Неопубликованные материалы из архива Ф.А. Степуна/[публ., вступ. статья и коммент. Р. Бёрда]//Новое литературное обозрение, № 63, 2003

Яковенко пишет, что они отличаются «...полной свободой от какой-либо заданности или принадлежности к какому-либо направлению...»³⁵ Б.В. Яковенко даёт свою классификацию современным ему направлениям русской философской мысли, вырабатывает свой стиль изложения взглядов исследуемых им философов.

Третий параграф «Влияние идей «классического Бадена» на философскую мысль России начала XX века: концепты «культура», «ценности» как объект философской полемики» посвящен прояснению контекста философских поисков русской мысли начала XX века, характерной чертой которого является общее чувство вхождения страны в какую-то новую фазу своего существования и настоятельное желание проявить себя в культурном плане. Этот период, как всякий этап смены культурных парадигм, насыщен размышлениями о кризисных явлениях в области культуры и спорами о ценностях, связанными с катаклизмами, имевшими место не только в истории России, но и Европы в целом. Одним из аспектов этой проблемы является вопрос об обретении культурной преемственности, который решается через призму концептов «культура», «ценности», актуализированных в описываемый период именно представителями Баденской школы. Развивая тему культуры на основании вышеназванных концептов, Виндельбанд и Риккерт оказали существенное влияние и на русский философский дискурс тоже. Среди тех, кто испытал на себе несомненное влияние баденского неокантианства можно назвать Кистяковского Б.А., Бук О.П., Фохта Б.А., Фондаминского И., Гоц А., Зензинова В., Гавронскую (Фондаминскую) А., Бубнова Н.Н., Рубинштейна М.М., Сакетти А.Л., Савальского В.А., Ланц Г.Э., Топоркова А.К., Мандельштамма О.Э., Ильина И.А., Алексеева Н.Н., Шагинян М.С., представителей русской юридической школы: П.И. Новгородцева и Г.Д.

³⁵ Яковенко Б.В. История русской философии. С. 460

Гурвича³⁶. Окончательный выбор между Когеном и Риккертом не смог сделать и теоретик русского символизма Андрей Белый, который, однако, одну из своих программных книг – «Символизм», строил на основании риккертовского учения о ценностях.

Глава третья «Историософия и мистицизм как иррациональное расширение кантианства представителями Баденского направления» посвящена самой интересной характеристике русской Баденской школы, суть которой состоит в том, что русское развитие идей «классического Бадена» - это по преимуществу не философия культуры, а историософия и мистицизм.

Параграф первый «Историософия: оправданность термина применительно к Баденской школе. Возрождение интереса к Фихте» касается вопросов, относящихся к объекту, предмету и методам исторического исследования, которые пристально изучались на интересующем нас временном отрезке неокантианцами: история вообще была для них когнитивным образцом наук об обществе. Риккерт в свое время настойчиво пытался обратить внимание философствующей общественности на необходимость разработки методологии, поскольку история – особая наука, объект которой есть конкретное, обрабатываемое с помощью единичных понятий, в отличие от объектов естественнонаучных, материал которых обрабатывается с помощью общих понятий.

Рассматривается и конкретизируется термин «историософия», которая понимается как оригинальный взгляд автора на общеизвестные события, который часто выделяет в них несколько уровней смыслов. Когда мы говорим об историософии, выделяем два момента:

- есть целостный взгляд на историю, понимание ее как целого;
- пограничность – выход за рамки как собственно исторической науки, так и философии.

³⁶ Такое мнение высказывает Дмитриева Н.А. См.: Дмитриева Нина Анатольевна. Русское неокантианство: теоретические истоки и исторические трансформации : диссертация ... доктора философских наук : 09.00.03 / Дмитриева Нина Анатольевна; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т].- Москва, 2006.- 445 с.: В этом же списке упоминается и Рубинштейн С.Л., однако его взгляды формировались под влиянием Г. Когена и П. Наторпа.

В тексте параграфа анализируются историко-философские взгляды представителей Баденской школы и формулируется вывод о том, что в их отношении термин «историософия» представляется вполне уместным, так как историософское толкование исторического процесса предполагает воплощение в ходе истории тех или иных аксиологических принципов. Философия истории требует абстрагирования от личности познающего, а историософия – переживания истории как своей личной судьбы.

Русская философия вообще и взгляды Степуна Ф.А., Гессена С.И. и Яковенко Б.В. в частности, рассмотрены в контексте исторической и культурной реальности России начала XX века, который объясняет специфичность понятийного аппарата, посредством которого происходит упорядочивание исторических фактов у вышеназванных философов. Безусловно, этот аппарат не может совпадать у всех троих в силу оригинальности мышления каждого, однако и у С.И.Гессена, у Ф.А.Степуна, а у Б.В.Яковенко это проявляется особенно ярко, ведущим понятием является свобода и большевизм (здесь нельзя не вспомнить Фихте, с его требованием установить понятие для данной эпохи). Специфическими понятиями являются труд ради труда у Яковенко, лик и лицо (святость и варварство) у Степуна и ценности и Царство Божие у Гессена.

Если характеризовать отношение Степуна к истории в целом, то его кредо – сатанизму этого мира противостоит Божье утверждение свободного человека как религиозной основы истории³⁷.

Свобода, по мнению философа, есть индивидуальное богоподобие, тогда как в современном англо-американском мире свобода – это то, что проводит большинство³⁸ Свобода, считает Ф.А. Степун, ценность мета-историческая, рядом с которой все остальные принципы и положения демократии имеют лишь подчиненное значение. Если же «все остальное»,

³⁷ Степун Ф. Мысли о России. Очерк V // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 354. С. 272

³⁸ Материалы конференции научных работников (эмигрантов), состоявшейся в Мюнхене 11-14 января 1951 г. Выпуск 1, заседание первое. Мюнхен, 1951 г.

инструментарий, то есть, служит не свободе, а несвободе, его надо уничтожить и не либеральничать, приходит к выводу в своих «Новоградских» размышлениях»³⁹ Степун.

Такая специфическая черта, как постоянное переоформление надысторического содержания жизни в движении от предметных ценностей к ценностям состояний также, как и его переживание исторической судьбы родины как своей собственной, характеризуют взгляды Ф.А. Степуна как историософские. Наиболее поздние его статьи демонстрируют пессимизм мыслителя: «Надеяться, что в этом мире могут появиться и развиваться мирозозидающие, очищенные от субъективных вожделений, беспредметных домогательств и слепых страстей, силы, дело явно безнадежное. Их можно ожидать только в порядке нисхождения нездешнего света в наш тёмный поюсторонний мир»⁴⁰

Гессен С.И. полагает, что культурные ценности есть то, посредством чего прошлое может быть изъято из времени, сохранено и передано. Реализация же ценностей в процессе истории, а в особенности уверенность в их реализации в будущем – есть предмет веры, преимущественно религиозной. Сложность человеческого бытия, человеческой истории воссоздается в сложности воспитательного процесса. Гессен выделил четыре пласта, или плана, человеческого бытия – биологический, социальный, духовно-культурный, план благодатного бытия. Таковы этапы истории человечества, движения от биологического бытия к Царству Божьему, в процессе которого возможны периоды упадка в духовно-культурной сфере.

Термин «большевизм» - одна из категорий, посредством которых русские баденцы выстраивают свои историософские концепции. Особое внимание этому понятию уделяет и Яковенко, конструирующий свой взгляд

³⁹ Степун Ф. А. «Новоградские» размышления по поводу книги В.С. Варшавского «Незамеченное поколение» и дискуссии о ней.//Опыты. Литературный журнал под ред. Ю.П. Иваска. Кн.7 Нью-Йорк, 1956

⁴⁰ Степун Ф. А. Структура социологической объективности.//На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь проф. Н.С. Тимашева. Издание общества друзей русской культуры. Нью-Йорк, 1965. С. 409-415. С. 413.

на историю на основе трансцендентального плюрализма, лишённого субъективизма и психологизма. Однако личное отношение и переживание исторической судьбы России ему никак не удаётся скрыть. Яковенко также, как и Фихте, полагает, что история – развитие принципа, а именно принципа свободы, уточняемого как труд ради труда.

Интерес к Фихте в России возрос в конце XIX- начале XX века на волне роста влияния философской метафизики и наиболее ярко проявился именно у «русских баденцев». Мистические мотивы в его творчестве стали весьма интересны им. Остановившись, например, на гессеновской концепции воспитания с её четырьмя планами Бытия, мы увидим некоторое совпадение взглядов. Гессен же подробно развивает тему мистики и в статье «Мистика и метафизика», Степун пишет своё «мистическое мировидение», и даже Яковенко упоминает о «позитивной мистике».

Восприятие фихтеанских идей в России описываемого периода было неоднозначным, как неоднозначен сам Фихте. Религиозно ориентированные философы не принимали его наукоучения, другие не понимали его позднейшего уклона в мистицизм. Тем не менее, полемика вокруг философских идей Фихте сыграла свою роль в формировании проблемного поля русской философии.

Второй параграф «Мистические и символические тенденции в творчестве русских представителей Баденской школы» посвящен теме мистики в рамках русского баденского неокантианства, что представляется вполне уместной, если принять во внимание, что историософия отличается от философии истории тем, что претендует на познание тайн истории, являясь в этом плане ее мистикой, и требует от познающего переживания истории как своей личной духовной судьбы. Да и сами отцы-основатели темы мистики не избегали. Так, например, Генрих Риккерт считает мистику одной из шести областей ценностей, наряду с логикой, эстетикой, этикой, эротикой и философией религии. Почти все логосовцы отошли с позиций неокантианства на позиции романтики и мистики, демонстрируя

иррациональное расширение Канта мистикой, поскольку «внесение иррационального момента усиливает значение индивидуальности, активности познающего и создающего ценности субъекта, а значит и его значимости и определяющую роль в истории»⁴¹

К 80-м годам мистицизм и спиритизм оттеснили с центральной позиции позитивизм и марксизм. Сосуществование столь разных направлений продолжилось и в 20 веке. С. Гессен пишет об этом так: «Последнее же слово, которое он (критический эмпиризм) ещё считает себя вправе произнести, - это призыв к мистике. Устраняя метафизические предубеждения, он парадоксальным образом расчищает путь именно к ней»⁴² Выученик немецких романтиков и сам немного мистик, Степун рассматривает мистицизм как основополагающий момент русского мировоззрения.⁴³ Гессен поддерживает эту точку зрения и утверждает, что мистицизм – вид метафизики, возникающий на границе, отделяющей область философии и культуры от сферы иррационального переживания.⁴⁴

В этом параграфе также рассматривается влияние символизма на формирование взглядов «русского Бадена».

В **Заключении** диссертации подводятся общие итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки темы.

⁴¹ Мелих Ю.Б. Иррациональное расширение философии И. Канта в России. – СПб.: Алетейя, 2014. – 344 с. С. 80.

⁴² Гессен С. Об индивидуальной причинности. Цитируется по: Дмитриева Н. Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве // Логос, № 2 (92), 2013. С 141.

⁴³ Мелих, Ю. Б. Лик и лицо Ф. А. Степуна. М., 2009.

⁴⁴ Гессен С.И. Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1998. С.54.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в реферируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов докторских (кандидатских) диссертаций:

1) Сторчеус Н.В. Между войной и революцией. Статьи Ф.А. Степуна в газете «Армия и флот свободной России» // Философия и культура. — 2013. - № 3. С. 303 - 315. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.03.4.

2) Сторчеус Н.В. Мистические идеи в творчестве отечественных представителей Баденской школы неокантианства // Политика и Общество. — 2014. - № 12. - С.1604-1610. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.12.13562

3) Сторчеус Н.В. Историсофские идеи «русских баденцев» в контексте осмысления истории России // Философия и культура. — 2014. - № 12. - С.1770-1776. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.12.13592

Иные публикации соискателя:

1. Сторчеус Н.В. Война глазами философа.// Россия в зеркале военной истории (к 200-летию Отечественной войны 1812 года): материалы международной научно-практической конференции, 22-23 марта 2012 г.: в 2 т. / отв. ред. Е. Ю. Волкова. - Т.1. - Кострома: Издательство КГТУ, 2012. - 225 с. С.176.

2. Сторчеус Н.В. Историко-философские взгляды русских неокантианцев Баденской школы.//Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. I. — Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. — 565 с. С. 82.

3. Сторчеус Н.В. Проблема ценностей в творчестве философов Баденской школы.//Философия и ценности современной культуры: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 10—11 окт. 2013 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. И. Зеленков [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2013. — 453 с. С.123